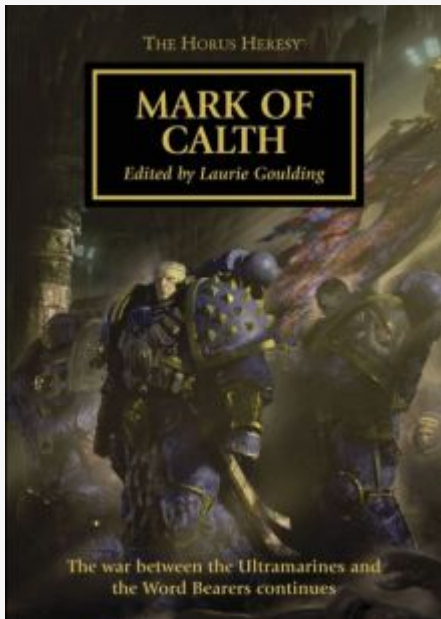

Темнее тьмы / A Deeper Darkness (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Темнее тьмы / A Deeper Darkness
(рассказ)

Автор	Роб Сандерс / Rob Sanders
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy
Входит в сборник	Отметка Калта / Mark of Calth
Год издания	2013
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Я встряхиваю болтерный заряд в сжатой бронированной перчатке. Он гремит, словно игральная кость. Как и игральная кость, он ждет результата. Результата, который неизвестен в замкнутом пространстве перчатки, реализации, которую он может найти лишь в патроннике висящего на поясе пустого и враждебного пистолета. Я чувствую неотвратимость снаряда, он кажется горячим, как будто может прожечь керамитовую ладонь. Отягощенный грядущей гибелью, которую он несет, снаряд –

терпеливое воплощение формы и функциональности. Он *жаждет* совершенства. Как и сами Ультрадесантники, он сотворен ради единственной цели – забрать жизнь.

Кто я такой, чтобы противиться неизбежному? Кто я такой?

Мое имя, насколько оно вообще имеет значение – Гилас Пелион. Братья зовут меня «Пелион Младший», поскольку это имя носили и другие, совершившие гораздо больше, чтобы заслужить место в истории Легиона. Я достиг многого, однако каждый день стою плечом к плечу с чемпионами и героями, ведь сыны Жиллимана благословлены многими доблестями и победоносными традициями. Мой пистолет обрек на смерть множество ксеномерзостей, клинок моего меча – судный день для всех, кто отвергает милосердное предложение Императора об объединении. За свой малый вклад в дело воссоздания Империи я заслужил звание гонорария ордена.

Магистр моего ордена погиб, защищая благородный Калт. Тех, кто остался от 82-й роты, возглавляет сержант Аркадас, а я иду впереди с клинком в руках, прорубая дорогу сквозь новых врагов. Брат Молосс несет изодранный ротный штандарт. В тесноте скальных лабиринтов аркологий Калта не хватает места для грозного знамени, однако это мало что значит для Молосса. Штандарт – его часть, и похоже, что самая славная часть. Как и многие из тех, кто несет такое бремя, сержант скорее расстанется с рукой, держащей знамя, чем с самим знаменем.

Атаковав в лоб, мы заняли аркологию, известную как Танторем. Нашим убежищем от солнечной бури стала аркология Магнези – прохладный мрак скального анклава стал подземной утробой, откуда упорные жители Калта могли начать все сначала. Ослепшие от солнца, покрытые рубцами, опаленные и отмеченные, они отказались дать умереть благословенной памяти о родном мире.

Калт выжил. Этот крошечный уголок Ультрамара устоял.

Со временем пещеры с колоннами стали центрами тяжелой промышленности и пищевого производства. Извилистые катакомбы превратились в магистрали, вдоль которых тянулись импровизированные жилые блоки и гроты.

Арки стали блокпостами, а сводчатые пещеры дали приют почтительным толпам, собравшимся поблагодарить Легионес Астартес – сынов Жиллимана, оставшихся Ультрадесантников. Неважно, что нас тоже бросили на пораженном недуге Калте. Казалось, что одно только наше присутствие дает выжившим надежду и цель. Им передалась наша решимость сражаться за то, что осталось от планеты.

Как нам и предназначено от рождения, мы продолжали сражаться. Битва за Калт ушла вглубь, превратившись в подземную войну. Враг оставался тем же самым: наши кузены из Несущих Слово, которые несли с собой непрошеную ненависть и позор крушения братских уз. Они стали темными светочами, к которым стекалось множество обладавших слабым разумом, и объединились с *демонами*. Возможно, это новое товарищество должно было заменить старое? Ставки не изменились, и уже не могли стать еще выше. Мы сражались за тела и души нашей маленькой империи. Мы были щитом, о который расшибались враги, отчаянно жаждавшие крови невинных.

Защищая эту кровь, мы перенесли бой в глубины – в аркологии и лежащую за ними тьму. Мы высекли в спасительной скале нашего убежища наблюдательные посты, тактические опорные пункты и Аркрополь – форт Ультрадесанта, господствующий в куполе примарис системы Магнези.

Инстинкт завоевания – неодолимая генетическая черта – вел нас сквозь камни, дым и развалины. Как всегда, мой меч был впереди, поскольку боеприпасы к оружию дальнего боя теперь стали редкими и

драгоценными. Он привел меня и моих братьев в аркологии Туркион и Эдант. Битвы были кровавыми, а туннели тесными, и меч с боевым щитом чередовались как день и ночь. Мы пробивали себе путь к грязной победе по перекрытым врагами ответвлениям и системам, словно синий поток.

В Туркионе нас встретила Дуса Дактиль, Веровладычица Эдиктэ Гуул. Ее психопаты-культисты поклонялись своим хозяевам – Несущим Слово. Для смертных это была сомнительная, но необходимая честь, которая обеспечивала место мучеников в каком-то ими же придуманном посмертном аду.

Эдант оказался кошмаром, гнездом иномировых тварей, которые были призваны выполнять волю наших былых сородичей. Нехватку самоубийственного фанатизма культивистов они более чем компенсировали убийственной свирепостью. Существа всех форм и размеров, чудовища с клыками, огнем, рогами и чешуей. Создания, сотворенные каприза ради. Некоторые были смертоносными воплощениями inferнального совершенства, другие же – бесформенными порождениями больного разума. Воплощенное безумие, навязанное моим глазам. Я погружал меч в гнусных тварей, словно в ножны, он вонзался в кошмарные тела и выскальзывал наружу. Их было нелегко убить, и они истощали наши драгоценные силы, прежде чем с визгом возвращались в небытие.

Прорубаясь сквозь толпы и чудовищ, мы наконец вновь встретились с нашими темными братьями. Их керамитовая броня выглядела пародией, по красному цвету Легиона змеились манящие символы запретного знания. Из доспехов торчали шипы, стержни и острия, которые образовывали во мраке зубчатые очертания. Хуже всего была острая ненависть в глазах, лица превратились в ухмыляющиеся маски безумия, воплощающего кровавые фантазии в реальность.

Мы прикончили всех, кроме одного. Один и тот же скрылся от нас в обеих системах.

Носитель слова. Мастер обмана. Воплощение лжи по имени Унгол Шакс.

Я сходил с Унголом Шаксом на поле боя в Комеше, но его глотка избежала острия моего меча. Я заставил бы ублюдка умолкнуть, если бы перед моим оружием не вздымалось и не опадало пенящееся море крови и безумия. Культивисты. Я буквально выплевываю это слово.

Один за другим адепты ножа капеллана заслоняли его непрерывной безумной вереницей. Каждого встречало благословенное избавление моим клинком или же сокрушительный грохот пистолета. Каждая смерть на несколько секунд отдаляла меня от убийства врага. Когда ядовитая звезда Веридиан стерла с поверхности умирающего мира саму память о Калте, Унгол Шакс и его зловонные приспешники последовали за нами в глубины. Беснующиеся толпы заволокли аркологии Туркион и Эдант. Они в равной мере множились и приносили жертвы, вызывая из теней чудовищ. У нас ушел почти год, чтобы зачистить системы и вновь погрузить мрак в тишину.

Тетрарх предостерегал от дальнейшего продвижения. Он сражался бок о бок с легендарным Вентаном на поверхности и был одним из лучших клинков среди нас, однако к тому же обладал талантом аритмат и проведения расчетов. Он оценивал людей с одного взгляда и понимал, чего человек стоит с клинком, болтером или ружьем, проведя в его обществе считанные мгновения. Если не считать самого примарха, он был лучшим тактиком в нескольких секторах – возможно, даже во всем Ультрамаре – и, несмотря на ограниченность ресурсов под поверхностью Калта, создал нерушимый анклав порядка, здравого смысла и борьбы за выживание среди хаоса войны и нужды.

Кроме того, ему было не чуждо и сострадание. Под полуобвалившимися сводами аркологии Магнези принимали тех, кто бежал из павших аркологий, кто прошел испытание пещерами, где бродили демоны, и кто держался маленькими группами, пока мог. Не только бойцов и тех, из кого можно было воспитать

бойцов, но и грязный ручеек невинных. К нашим уменьшающимся запасам допускали всех – молодых, старых, слабых и раненых.

Впрочем, мы не могли бы удержать более обширную территорию. Так утверждали стратегические расчеты тетрарха. Лучше крепко удерживать три системы аркологий, не пуская туда врагов, чем не суметь удержать пять или больше и дать Несущим Слово с их рабами веры хлынуть внутрь и вновь заполнить систему смертью и разрушением. Скал и бдительности хватало, чтобы охранять очищенную нами территорию от культистов и братьев-предателей, однако с демоническими тварями дело обстояло иначе. Возникла необходимость часто патрулировать наши собственные аркологии. Крики проснувшихся возвещали о съеденных конечностях и беготне крошечных чудовищ в тенях. Вспышки насилия и массовых убийств среди выживших списывались на нашептывания темных сущностей. В переполненных аркологиях начали распространяться странные инфекции, причиной которых в конечном итоге оказались запасы воды, загрязненные нечистотами демонов.

Предполагалось, что источником этих гнусностей является Танторем, соседняя аркологическая система, захваченная Несущими Слово и их мерзкими союзниками. В ходе первоначального укрепления аркологии Магнези тетрарх распорядился обрушить соединительные туннели магнитной дороги, изолировав жилое ответвление из пещер и гротов. То, что ранее представлялось тактически неблагоразумным решением, стало стратегической необходимостью. Танторем надлежало очистить во имя безопасности Магнези. Точно так же нельзя было терпеть Абидокса Изверга и его империю зеленокожих у границ Ультрамара, когда империя была молода.

Был отдан приказ. Я возглавил вторжение в аркологию Танторем. Меня сопровождали сержант Аркадас и брат Молосс, а штандарт 82-й роты реял высоко над шлемами тридцати боевых братьев, составлявших экспедиционный отряд.

Наши клинки рассекали толпы культистов. Наши потрепанные доспехи приняли на себя всю их ненависть. Позади нас бойцы объединенного гарнизона Магнези – бывшие солдаты Имперской Армии и члены различных разгромленных контингентов оборонительных сил – экономя энергию, озаряли мрак потоками лазерных лучей из своих ружей.

И вновь я ощутил присутствие Унгола Шакса. В прогнившей обороне аркологии было нечто знакомое, как будто отголосок кошмара Эданта и Туркиона. Многие в объединенной армии погибли, потери были и среди Ультрадесантников. За победу пришлось заплатить – как и всегда – но в конечном итоге аркология Танторем оказалась в наших руках. Теперь пещерный комплекс покрыт ковром из убитых культистов, ритуально призванных исчадий и мертвецов в ярко-красных доспехах – Несущих Слово, навлекших на себя праведный гнев Легиона Жиллимана.

В самой дальней части системы Танторема, на краю поддерживаемых колоннами пещер этой адской дыры я понимаю, что Унгол Шакс вновь ускользнул от меня. Вместо него нахожу немногих оставшихся, стоящих на пути к абсолютной победе.

Я встряхиваю болтерный заряд в сжатой бронированной перчатке. Он гремит, словно игральная кость. Как и игральная кость, он ждет результата. Результата, который неизвестен в замкнутом пространстве перчатки.

Я поднимаю глаза. На мелководье подземного озера стоит боевой брат, облаченный в красное. Его доспех забрызган кровью невинных, хотя этого и не скажешь наверняка. Кровь впиталась в краску так

же, как некая непредсказуемая тьма напитала его душу. Он сжимает в руке болтер, и тот вхолостую лязгает с каждым подергиванием керамитового пальца предателя. Пустой звук поражения.

Легионер стоит на мелководье с бесстрашным и упрямым выражением на землистом лице. Виден его стыд – не за содеянное, а скорее за то, чего не удалось совершить. В бормотании потрескавшихся губ горькая досада. Он окружен. Пятеро верующих, чье оружие также опустошено, прикасаются к закованному в броню Несущему Слово, хватаются за него, словно это почитаемая статуя или защитный тотем. Они шепчут, кровожадно подбадривая своего владыку и выражая свою предательскую веру. Они все еще полагают, что полубоги и чудовища спасут их.

Среди них предводитель культистов Сейд Фегл, Когносций Красного Муниона. Я уже встречал его раньше во мраке глубин. Он прибыл на Калт во главе десяти тысяч глупцов, купившихся на ложь и дешевые трюки существ извне.

Несущий Слово оборачивается и смотрит в глубины озера. Он наблюдает, как темная вода плещется о скальные стены, а затем поворачивается к остальным Ультрадесантникам, которые стоят вдоль берега.

Ему не спастись. Он знает это, и болтер падает в воду. Культисты тут же реагируют на это, как на неожиданное горе. Они шипят и корчатся вокруг бесстрастной фигуры в доспехах. Плачут. Боятся.

– Тебе слово, кузен, – окликаю я его через водное пространство.

Несущий Слово вскидывает голову. Аколиты тянут его за керамитовые конечности, но безрезультатно. Он еще раз долго глядит на озеро. Моя свободная рука произвольно ложится на рукоять меча. Я хочу быть наготове, если враг попытается сбежать.

Впрочем, он этого не делает. Страхнув своих последователей, словно вторую кожу, Несущий Слово шагает ко мне по мелководью. Я слышу поскрипывание доспехов братьев. Брат Форнакс – ранее входивший в библиариум и потому неоценимый своим знанием о нематериальных союзниках Несущих Слово – подходит ко мне. Молосс держит руку на эфесе цепного меча. Почти опустошенный болтер сержанта Аркадаса поднимается вровень с оптикой шлема.

– Пелион...

– Я займусь этим, сержант, – произношу я.

В глазах врага коварство и ярость, но наконец мы встречаемся взглядами. Однако Аркадас не собирается уступать.

– Достаточно, – говорит он Несущему Слово.

Легионер замедляется, но продолжает приближаться. Его лицо искажено едва сдерживаемой злобой.

– Это *ты* зашел слишком далеко, Ультрадесантник.

Аркадас делает шаг вперед, направляя дуло болтера в лицо Несущему Слово. Я мягко толкаю оружие вниз двумя пальцами перчатки.

– Похоже, нашему брату есть, что сказать, – заявляю я, вновь встречая отвратительный взгляд Несущего Слово. – Давайте его послушаем.

– Я могу сказать тебе только одно, сын Ультрамара, – шипит в ответ отрекшийся космодесантник.

Он был быстр. Очень быстр. Между нами внезапно возник нож – какой-то *крис* или жертвенный клинок, которые теперь были у многих из них. Возможно, оружие было пристегнуто магнитом к поясу сзади, или же его передал один из прикоснувшихся к Несущему Слово последователей. Как бы то ни было, он оказался там – запятнанный кровью и отточенный на тысячах душ, которые забрал на службе некому дьявольскому соглашению.

Не сомневаюсь, что нож забрал бы и мою душу – он был быстр, однако я оказался еще быстрее.

Мой меч покинул ножны, как только лицо Несущего Слово превратилось в кровожадную маску. Легкий клинок бьет вниз, отсекая руку легионера возле запястья. Ошеломленный отступник инстинктивно протягивает к фонтанирующему обрубку другую руку. Еще до того как перчатка с ножом успевает лягнуть о каменный пол, короткий клинок стремительно описывает петлю и точно так же сносит вторую. Проходит несколько мгновений. Мой клинок неподвижен – однако наготове – и поет от беспощадно исполненного выпада. Несущий Слово отшатывается назад на мелководе, уставившись на покрытые броней культи. Кровь хлещет в подземное озеро.

Его аколиты не нуждаются в приказе. Они бросаются на меня.

Сейд Фегл, Когносций Красного Муниона, внезапно отлетает назад и исчезает в кровавом взрыве одинокого болтерного заряда, выпущенного из оружия сержанта Аркадаса.

– Прекратить! – приказываю я. Подобные человеческие отбросы не достойны наших драгоценных боеприпасов. – Только клинки.

Культисты нападают на меня и умирают. Их грязные тела разрываются от выпадов и взмахов, которые столь же плавны и экономны, сколь и жестоки. Несущий Слово с плеском опускается на колени и смотрит на меня. Вокруг него падают тела и их фрагменты.

– *Слишком далеко...* – произношу я. – Что ж, кузен, мы продолжаем идти, несмотря на безумную попытку вашего заблудшего Легиона уничтожить нас. Это больше, чем я могу тебе сказать. А теперь ты слушаешь меня. Где твой господин Унгол Шакс?

Легионер насмешливо ухмыляется.

– Ты и впрямь думаешь, Ультрадесантник, что моими последними словами в этой вселенной станут ответы на твои вопросы?

– Так и будет, если ты хочешь достойной смерти. Смерти, которая подобает космическому десантнику, а не трупу из прогнившего мяса, который сбился с пути ради ложного просвещения.

– Мальчишка, иди прижми к отцовской груди, – шипит Несущий Слово. – В великих делах галактики ты всего лишь дитя, а твой прародитель вскармливает катастрофу.

– Где Унгол Шакс, Несущий Слово? – повторяю я, силясь удержать себя в руках.

– Те, кто страшится великих истин нашего времени, недолго задержатся во вселенной, – не сдается отступник.

– Дольше, чем ты, кузен, – произношу я и киваю Молоссу, который отстегивает свой цепной меч и активирует оружие, издающее гортанный рев.

– Отставить, – гремит позади нас властный голос.

Я оборачиваюсь. Во мраке шагает тетрарх собственной персоной. Таврон Никодем – князь Сараманта, тетрарх Ультрамара, чемпион самого Робаута Жиллимана, а ныне скромный повелитель аркологии Магнези.

Впрочем, это обстоятельство не мешает Никодему держаться еще более царственно. Его броня безупречно отполирована. Оружие блестит, демонстрируя ухоженность и смертоносную эффективность. Алый плюмаж шлема, зажатого подмышкой бронированной руки, повторяет цвет птеруг и мантии. Плащ струится за тетрархом в сыром мраке пещер, словно кровавая река, и откидывается вбок, приоткрывая инкрустированный драгоценными камнями Крукс Ауреас – эмблему чемпиона.

Несведущий глазу может усмотреть в подобном церемониале излишек тщеславия. Во время войны у слуг и сенешалей должны быть более важные дела, чем лакировка филиграни наплечников тетрарха. Но, как и во всем остальном, Никодем поставил стратегию выше самомнения.

Как и саму аркологию, души людей требовалось укреплять. Жителям Калта, подвергнувшимся истреблению и вернувшимся к неприглядному процессу борьбы за жизнь под землей, необходим был символ гордости и упорства. Перед лицом катастрофы нет более подходящих символов главенства и величия Ультрамара, чем сами Легионес Астартес. Никодему нужно было, чтобы люди ощущали достоинство и значимость, чтобы чувствовали их в себе, пусть даже обладая столь малым. Войну еще необходимо вести, и тетрарх не может допустить, чтобы пустота в сердцах людей заполнилась поражением, иначе эта война будет проиграна еще до начала.

Никодем наделен глазами примарха, и я чувствую на себе знакомый укоризненный взгляд Жиллимана.

– Семнадцатый Легион нам больше не кузены, – произносит тетрарх, приближаясь в сопровождении двух почетных стражей. Он отдает шлем и протягивает руки в блестящих перчатках. Один Ультрадесантник кладет в руку мастерски сработанный болт-пистолет, а другой – магазин с драгоценными боеприпасами. – Они вестники собственного забвения. Нам неинтересны их слова. Единственное, что оправдывает наше внимание – их гибель, и мы станем ее орудием.

Таврон Никодем подходит к коленопреклоненному Несущему Слово. Отступник намеревается заговорить, но тетрарх всаживает ему болт в череп, прежде чем слова успевают сорваться с потрескавшихся губ. По пещере расходится эхо выстрела.

– Я понятно говорю? – спрашивает он.

– Да, тетрарх, – хором отзываются Ультрадесантники.

Никодем кивает.

– Сержант Аркадас.

– Да, мой повелитель.

– Работа 82-й роты здесь завершена, – произносит тетрарх. – Пусть твои люди соберут оставшиеся припасы: заряды, фляги и силовые батареи. Если понадобится, собирайте по одному болту. Все, что мы сможем обратить против этих ублюдков в доспехах, когда они вернутся. Остальное бросьте гнить.

– Да, сэр.

Аркадас, Молосс и Ультрадесантники расходятся.

- Тетрарх, - подаю я голос.

- Говори, - уверенно и строго отвечает Никодем. Изорванное знамя Молосса реет в воздухе, пока сержант обыскивает бронированный труп Несущего Слово, наблюдая, как между вышестоящими накаляется обстановка.

- Разве удержание этой аркологии не послужит интересам Легиона? - спрашиваю я. - Если мы ее покинем, не вернется ли враг со временем, не станет ли он вновь угрожать нашей безопасности?

- Я прощаю тебе твой дух покорителя, брат, - произносит Никодем, - поскольку он пылает столь же ярко, как и у всех в Ультрамаре. Время возводить империю еще придет, поверь мне, однако мы не будем строить империй *здесь*. Это отбор. Выживание. Для нас важны не только интересы Легиона. Первостепенное значение имеют люди. Мы рождены для службы человечеству, а не просто чтобы потакать своим воинским желаниям.

- Унгол Шакс был здесь, - парирую я. - Пока мы с ним не покончим, он будет представлять угрозу для людей и их выживания.

- Итак, ты будешь зачищать аркологию за аркологией в поисках одного-единственного врага, попутно созидая подземную империю во мраке, - произносит тетрарх. - А как быть с прочими больными умами, которые в это время воспользуются нашей уязвимостью? Сейчас нас не так много, чтобы удержать столь обширную территорию.

- Мы - Ультрадесантники... - начинаю было я.

Никодем прищуривается.

- Можешь мне об этом не рассказывать, Пелион. Мы - Ультрадесантники, и в состоянии сделать подобное, но спроси себя, *нужно* ли нам это. Тебе следует задаться этим вопросом. К примеру, я не знаю, чего ты ожидал добиться, вступая в беседу с врагом.

Его интонация смущает меня.

- Я получал от пленного информацию, тетрарх.

- Нет, Гилас. У этого человека не было никакой информации. Ты бессмысленно играл с ним, словно ожидал, что, угрожая насилием и обещая милосердие палача, можно породить в сердцах таких людей страх. Они отвернулись от мудрости Императора и обрекли себя на проклятие. Они уже переживают свой главный кошмар. Твой единственный долг - положить конец этой мерзости и сделать это быстро. Ты полагал, будто получаешь от него информацию, пока он все глубже втягивал тебя в свою ложь и невежество. Теперь все слова, что несет Семнадцатый Легион - это отравы.

- Тетрарх...

- Довольно, - приказывает Никодем. - Мы не станем играть в их игры в тених. Именно этого от нас ждут Несущие Слово, и они будут нас там ждать. Ты останешься на посту, гонорарий Пелион, и не окажешься втянут в подобные темные...

Внезапный всплеск на дальнем краю подземного озера привлекает внимание всех присутствующих в зале Ультрадесантников. Кто-то или что-то всплывает на поверхность.

Сержант Аркадас и почетная стража тетрарха молниеносно вскидывают болтеры, а Молосс снова

запускает цепной меч. Таврон Никодем вглядывается в темные воды, продолжая сжимать в руке пистолет. Тем не менее первым на мелководье, выставив перед собой короткий меч, ступаю я.

На поверхность вырывается шипастая бронированная фигура. Она давится и булькает в ледяной, насыщенной песком воде, выбираясь из глубин на неровное скалистое дно озера.

Цвет доспеха выдает в ней врага. Несущего Слово.

Я приближаюсь к распростертому телу, и сияние прожекторов моего доспеха падает на покрытую шрамами выбритую голову. Легионер приподнимает подбородок, изрыгая из мультилегких остатки воды, и на свету оказываются заостренные колхидские черты лица.

Я замираю на мелководье, увидев его глаза. Их нет.

Плоть вокруг пустых глазниц окровавлена и грубо залатана. Либо ему вырвал глаза кто-то другой, либо он вырезал их сам. Бессмысленное варварство и осквернение плоти Императора вызывают у меня омерзение.

Несущий Слово чувствует над собой движение и тянется к моему бронированному сапогу.

- Друг? - кашляет он.

Я захожу врагу за спину. Клинок скользит под подбородок изменника, прижимаясь к манящему горлу.

- Враг, - поправляю я.

Несущему Слово удастся улыбнуться.

Я смотрю на Таврона Никодема.

- Жду указаний, мой повелитель, - произношу я. Тетрарх выглядит недовольным.

- Сержант, - говорит он. - Куда ведет это озеро?

- У меня не сложилось впечатления, что озера куда-то ведут, тетрарх, - отвечает Аркадас.

- *Тетрарх...* - с видимым удовольствием повторяет Несущий Слово, пока мой меч не вдавливаются в плоть выходца с Колхиды сильнее.

- Те, кто вот-вот умрет, не обращаются к князьям, - произношу я. - Придержи язык, не то я заставлю себя его вырезать.

- Боюсь, ты просто закончишь начатое, - говорит Никодем, глядя на изуродованное лицо Несущего Слово. - Что это за знаки у него на голове?

Я смотрю на шрамы-насечки на выбритом черепе легионера. Похоже на решетку или крепостные ворота.

- Орден Возвышенных Врат, - сообщаю я. - Как и Шакс.

Страдальческая улыбка Несущего Слово становится шире. Я перевожу взгляд на Никодема.

- Для меня будет честью покончить с этой мерзостью, - произношу я, повторяя недавнее его изречение.

- Впрочем, мне представляется разумным допросить *этого* пленного.

- Пелион... - предостерегает тетрарх. Я испытываю терпение героя.

- Озеро явно куда-то ведет, мой повелитель, - говорю я. - Этого заблудшего брата не породили бы одни лишь темные глубины.

- Я бы за это не поручился, - бормочет Никодем.

Я поворачиваюсь к тетрарху, исполняя формальный салют.

- Унгол Шакс остается угрозой, мой повелитель. Его люди орудуют в этой области. Возможно, здесь и он сам. Несомненно, с точки зрения тактики опасно допускать подобное? Пленник может располагать информацией по этому поводу. Я прошу провести допрос, лорд Никодем.

Патрицианские черты вздрагивают от раздражения.

- Сержант Аркадас, - окликает тетрарх.

- Мой повелитель.

- Пусть твои люди закончат зачистку Танторема.

- Да, тетрарх.

- В то же время, - говорит Никодем, - очистите помещение и подготовьте его для допроса пленного.

- Сделаю немедленно, мой повелитель.

- Пелион, - произносит тетрарх, отворачиваясь, чтобы удалиться. - Заткнуть пленнику рот, связать и привести ко мне.

- Сэр?

- Я лично проведу допрос, - говорит Никодем. - Гонорарий Пелион, будь уверен, если я заподозрю какой-либо подвох, то прикажу прикончить пленного, будет у него информация или нет.

Я не знаю, что именно ответить, и только смотрю, как алый плащ струится во мрак следом за тетрархом.

- Благодарю, мой повелитель, - кричу я вслед.

Пелион и его братья схватили незваного гостя

В недавнем прошлом помещение явно использовалось для жертвоприношений. Бурые пятна крови сливаются с прочей грязью на стенах, полу и потолке.

То, что сержант Аркадас принял за какой-то каменный стол, на самом деле оказывается покрытым рунами алтарем, имеющим нечестивое ритуальное значение.

Слепой Несущий Слово не знает, что сидит перед подобной мерзостью. Я резко толкаю его на пустой ящик из-под боеприпасов. Легионер держится нетвердо, и причина не только в том, что он ничего не видит. Я вызвал одну из инженерных бригад, с помощью которых мы строили и восстанавливали заграждения в многочисленных магистральных туннелях и подземных галереях аркологий. Руки Несущего Слово крест-накрест прижаты к нагруднику, а ладони перчаток приварены к бокам доспеха при помощи плазменных резачков. Так ублюдок и сидит – узник собственной брони.

Болтерный заряд гремит, катаясь внутри моей перчатки.

Таврон Никодем стоит перед пленником. Он выглядит в равной мере великолепно и зловеще. Брат Десенор стоит на страже у дверей, направив на заключенного широкое дуло болтера. Тетрарх кивает. Я срезаю кляп во рту Несущего Слово острием меча.

Узник разминает челюсть.

– Имя и звание, – требовательно спрашивает Никодем.

Несущий Слово поджимает темные губы.

– Не будем играть в игры, легионер, – настаивает тетрарх. – Тебе известно, что я не стану бесчестить

плоть – твою, не мою – пытками и страданием. Давай поговорим как Легионес Астартес, воители обширной и разделенной галактики. Как враги, если тебе угодно, но враги, которые и ненавидят, и уважают друг друга.

– Ты красноречив, тетрарх, – с улыбкой замечает легионер. – В иной жизни ты мог бы стать Носителем Слова. Уверен, что выбрал верную сторону?

– Нам от тебя нужны не похвала с одобрением, – говорю я из-за спины предателя.

– Имя и звание, – снова требует тетрарх.

– Меня зовут Азул Гор, – произносит Несущий Слово. – Орден Возвышенных Врат. А ты?

– Таврон Никодем с Сараманта.

– О, как же пали могучие, – комментирует Азул Гор.

– Могучие направляются туда, где в них нуждаются, – парирует Никодем. – Сегодня я нужен на Калте. Завтра это может быть любое другое место в Ультрамаре. Послезавтра – где угодно в Империи Людей. Я буду необходим везде, где мои враги смеют осквернять землю своим присутствием.

– Мне кажется забавным, что на самом деле это Магистр Войны послал тебя на эту обреченную планету.

– Значит Гор послал меня туда, где я был нужен *более всего*, – произносит тетрарх. – Возможно, для него еще не потеряна надежда.

– Если отбросить вопросы галактической политики, – вмешиваюсь я, – надеюсь, ты не станешь возражать, если я спрошу, где ты прятался со своими сородичами-злодеями. Мы нанесли вам визит. Вас не было дома.

– Я был в глубокой тьме, – рассеянно отвечает Азул Гор.

– Разве все мы не можем сказать то же самое? – бормочу я.

– Мы не можем, Ультрадесантник, – шипит он. – Представь, что ты слеп и бродишь по темной как ночь пещере, погребенной глубоко под поверхностью мертвого мира. Мира, купающегося в сиянии звезды, отвернувшейся от света. Можешь вообразить тьму глубже?

Помещение погружается в безмолвие.

– Что случилось с твоими глазами? – спрашивает Никодем.

– Я их вырвал, – отвечает Азул Гор. Его откровенность обжигает. – Вырвал, чтобы не пришлось глядеть на ваши чопорные лица и слепящий блеск нетронутых доспехов.

– Ты не ожидал обнаружить нас в Тантореме, – заявляю я.

– Ты отправился в затопленную систему пещер без оружия и шлема, – добавляет тетрарх.

Я киваю.

– И без глаз. Несущий Слово, я утверждаю – ты не ожидал встретить нас в Тантореме. Думаю, ты искал своего хозяина, Унгола Шакса.

Слепой предатель начинает хохотать. Ужасный смех пропитан злобой и горечью.

- Унгол Шакс мертв.

- *Ложь*, - бросаю я, обходя вокруг алтаря. - Другое тебе неведомо. Это твоя суть. Я бы перерезал тебе глотку, если бы из раны полилась славная и честная кровь Легиона, а не обман.

- Жаль, что не можешь, Ультадесантник, - ревет в ответ Азул Гор.

Я делаю выпад. Клинок рвется вперед, останавливаясь под острым подбородком Несущего Слово.

Никодем вскидывает руки.

- Пелион!

- *Где Унгол Шакс?* - шиплю я.

- Умер, - повторяет Азул Гор, - как скоро умру и я. Как и ты, брат Пелион.

- От твоей руки, полагаю? - поддразниваю я Несущего Слово.

- Нет, - отвечает предатель. - От моего слова. Ты шумно дерзишь, но порой действия оказываются громче. Ты держишь клинок у горла слепого пленника, а в углу слышен лязг взводимого болтера, который нацелен на меня. От тебя разит страхом. Страх. Это он делает вас слабыми. Мне не нужны клинки и болтеры. У меня есть слова, и я в силах прикончить вас одним-единственным из них.

- И что же это за слово? - в ярости спрашиваю я, вдавливая острие меча в плоть на его горле.

- *Пенетрал...*

По маленькому залу разносится эхо выстрелов.

Все кончено. Азул Гор мертв. Три болтерных заряда. Два в грудь, один в череп. Оружие брата Десенора дымится в наступившей тишине.

Я оборачиваюсь к часовому, но Никодем вскидывает перчатку.

- Я приказал это сделать, - признается тетрарх, - как я тебе и говорил. Я виноват. Это была ошибка.

- Он говорил, - протестую я.

- Говорил, - соглашается Никодем. - Он уводил тебя во тьму. Ты видел, как низко пали Несущие Слово. Видел их прегрешения. Это слово, скорее всего, было каким-то заклинанием, а его смерть от твоих рук стала бы тайной сделкой с неким иномировым созданием.

Я неотрывно гляжу на тетрарха.

- Мы постараемся оценивать наших заблудших сородичей по достоинству, - продолжает он. - Вся эта сцена - отсутствие оружия, глаза, выход из укрытия - вероятно, была уловкой, чтобы оказаться рядом с офицером Ультрадесанта. С целью, которая достойна жертвы. Это моя вина. Я принимаю ответственность на себя.

Тетрарх направляется к выходу из зала. Он смотрит на Десенора и кивает в направлении скрученного трупа Несущего Слово.

- Прошу, брат, разберись с этим, - произносит он, а затем поворачивается ко мне. - Я возвращаюсь к Аркрополю. Пусть сержант Аркадас закончит зачистку, а потом уходите из этого проклятого места. Помогите саперам Армии уничтожить точку входа.

- Вы не рассматриваете вариант захвата аркологии? - спрашиваю я, но в моих словах нет энтузиазма.

Тетрарх оставляет их без внимания.

- Убедись, что ничто не сможет пройти там, где мы вошли, - произносит Никодем. - Ты за это отвечаешь.

Точка входа - просто дыра с неровными краями в стене пещеры.

Мы реквизировали со склада туннельной бригады сейсмические подрывные заряды. - Это не армейские боеприпасы, и они даже близко несравнимы по мощности и точности с тактической взрывчаткой Легионес Астартес. Впрочем, в достаточных количествах - и под контролем специалиста - и сейсмические заряды справятся с задачей.

Сержант Аркадас выводит из аркологии Тантором последних своих людей. Сопровождаемые солдатами Армии, космодесантники сержанта быстро обыскали систему пещер на предмет боеприпасов и энергобатарей Легиона. Все остальное - пайки, оружие и броня - было уничтожено согласно последовавшим распоряжениям тетрарха из опасения, что оно могло подвергнуться какому-либо заражению. Клинки сломали. Пучки волокон выдрали. У болтеров взорвали казенники или испортили их примитивными заглушками.

Силы Имперской Армии, которые несут запасы собранных боеприпасов и батарей, бредут мимо под взглядом мутного глаза сержанта Брота Гродина. Гродин - отставник, один из бывших служителей Императора, назначенный командовать одним из новообразованных подразделений Веридийского Цикатрикса. Это была идея тетрарха: все цикатриции - остатки старых полков обороны, разгромленных и раздробленных в ходе наземной войны. У их камуфляжных хитонов мириад местных расцветок, каждая относится к своему подразделению обороны или церемониальной гвардии. Все солдаты носят противоосколочную конорскую броню - нагрудники, фартуки и щитки. У шлемов с визорами есть защита носа и скул, любимая многими ополченцами Калта. Каждый вооружен потрепанным щитом, коротким клинком и висящим на ремне лазерным ружьем-фузейей.

На открытых предплечьях и бедрах ужасающие радиационные ожоги и рубцы от солнечного излучения. Это ныне печально известная Отметка Калта, доказательство желания сражаться на опаленной солнцем поверхности обреченной родины. Именно эту общую черту Никодем решил увековечить в их названии несмотря на то, что только отряд Гродина собран из бывших солдат 14-го Восферского, 55-го Нерегулярного полков, а также 1-го полка Гражданского Резерва Тарксиса. На Гродине нет шлема, хмурое выражение обожженной половины лица подгоняет цикатрициев. Сержант постукивает по рукам проходящих солдат офицерским скипетром.

- Все тут м`лорд, - хрипло докладывает Гродин.

- Благодарю, сержант, - говорю я. - Не будете ли вы так добры сопроводить моих братьев-легионеров вместе с припасами обратно к Аркрополю?

Гродин кивает и уходит за своими мрачными солдатами, оставляя меня с братьями Десенором и Форнаксом сторожить пролом.

Также остается и Ионе Додона.

Она пятится назад, разматывая детонационный кабель. Мы втроем следуем за ней к выходу горного пласта, за которым установлен простой нажимной детонатор. Оборудование соответствует только горнопроходческим стандартам, однако пригодно к использованию, как и сейсмические заряды, при помощи которых Додона обрушит точку входа.

– Мы готовы? – спрашиваю я.

– Надо подключить еще два заряда, – отвечает она, ощупывая разъем кабеля. – Минуту.

Додона оказалась незаменимой. Люди Гродина обладают мужеством и мрачной решимостью, но они все сверху. Еще до столкновения сапер второго класса Додона входила в ауксилию Первопроходцев Калта. Экспертные познания саперов, более известных как «глубинники», о системах пещер, структурной целостности и взрывчатке стали мощным оружием на войне, когда та вышла за пределы обычной кампании. Стратегическое обрушение пещер и туннелей, кишевших силами культистов и вырожденками из Несущих Слово, спасло множество жизней и драгоценных боеприпасов.

Общий боевой счет Додоны может оказаться выше, чем у иных боевых братьев на линии фронта. Того, чего они добиваются клинком и болтером, саперы достигают при помощи миллионов тонн камня. В некотором смысле сам Калт бьется с захватчиками.

Пока мы ждем, Десенор и Форнакс смотрят в пролом, отслеживая вражескую активность. У нас не было возможности провести полный осмотр и установить все точки входа и выхода аркологии Танторем. Силы врагов могут хлынуть через нашу же точку прорыва и захлестнуть занятую нами территорию. Болтеры моих братьев должны дать Додоне время завершить работу и похоронить всех, кто может рискнуть. Пока что все тихо и неподвижно.

Бросая взгляды на снаряжение и схемы Додоны, я замечаю исцарапанный инфопланшет. На нем отображаются подробные карты аркологий, которые уже завершены или – до начала войны – находились в стадии строительства. Ведя керамитовым кончиком пальца по планшету, я двигаюсь по обрамленным колоннами туннелям магнитных вагонеток из Магнези-Юг, через точку входа и по разветвляющимся системам пещер Танторема. Палец повторяет мучительный маршрут нашего наступления. Я думаю о братьях, которые погибли под моим командованием, утонув в море обезумевших культистов. Чувствую, как подошвы скользят по крови верных цикатрициев, и заново переживаю столкновение нашего строя с толпами фанатиков Несущих Слово, как будто корабли бьются о скалы на мелководе. Затем я дохожу до подземного озера, где мы схватили Азула Гора. К моему собственному удивлению, палец движется дальше, упираясь в одинокую метку на планшете: «Пенетралия».

– Что это? – спрашиваю я у Додоны, которая явно не в восторге от того, что приходится отрываться от детонационных проводов и смотреть на планшет. В отличие от цикатрициев, ее шлем с лампами плотно подогнан, а противоосколочные пластины вшиты в темный комбинезон, который лучше всего подходит для лазанья по пересеченным пещерам и тесным туннелям. Сапер освещает фонарями экран планшета.

– Это Пенетралия, – говорит она. – Скопление туннелей, образовавшихся в скале естественным путем. Там настоящий лабиринт, но эта область была намечена для раскопок, чтобы создать вход в другую аркологию.

– Но она затоплена, – бормочу я, поскольку лично видел озеро. Додона кивает.

– Грунтовые воды залили часть Пенетралии и колею магнитных вагонеток, которая шла к раскопу, –

говорит она. – Первопроходцев эвакуировали, а работу прекратили до тех пор, пока не удастся задействовать насосные бригады, но к тому времени уже началась война.

– Почему мне не предоставили эту информацию?

– Это не аркология, – не сдается Додона. – Там тупик, который сейчас затоплен. Раскопки едва успели начаться.

– Возможно ли, что на том конце туннелей пещеры остались сухими? – напеваю я на Первопроходца, тыча керамитовым пальцем в экран. – Отрезанными, может быть?

Додона мгновение размышляет над этим.

– Да, это возможно, но почему вы вообще думаете на этот счет? Это глубже, чем мы когда-либо спускались ранее.

– Мы вытащили из вод этого озера Несущего Слово, – сообщает брат Форнакс. – Он пришел не из Танторема.

Я возвращаю саперу планшет и оборачиваюсь к братьям.

– Отложить подрыв, – распоряжаюсь я. – Сообщите в Магнези.

– Но тетрарх... – начинает было Додона.

– Я сейчас отправлюсь к тетрарху, – говорю я. – Подрывайте точку входа только в случае вражеского вторжения.

Подхватив шлем, я киваю Десенору и Форнаксу.

– Будьте бдительны, братья, – произношу я. – Я пришлю подкрепление. Враги могли залечь и ждать, оставаясь скрытыми от наших глаз. Возможно, наша работа здесь не закончена.

В озеро уходит линия магнитного транспорта – теперь я это ясно вижу. Ранее я, сам того не зная, зачистил от нескольких стрелков Красного Муниона грузовой вагон. Пока от моей брони отскакивали копы зарядов фузей, а меч рубил тела культистов внутри машины, я не осознавал, что это элемент магнитной дороги.

Цикатриции сержанта Гродина избавляются от трупов, вытаскивая мертвецов и сбрасывая их в огонь. Заново активированный двигатель транспортера гудит и потрескивает, стремясь придти в движение. Сам сержант промывает внутреннее пространство ведрами воды из озера, а Ионе Додона орудует плазменным резаком, как можно тщательней герметизируя машину.

Я верю в нее. Она уже сотворила чудо с электрополярным двигателем. Додона всю жизнь работала в аркологиях с такими машинами, так что я предоставляю ей механизмы и управление рудничной вагонеткой.

Мы бы не стали возиться с магнитной дорогой, если бы не солдаты Армии. Я и мои братья могли бы преодолеть затопленные туннели так же, как Азул Гор, благодаря герметичным доспехам и авточувствам. Впрочем, у Веридийского Цикатрикса нет подобного снаряжения, и я вынужден полагаться на прогнившие рельсы. Несомненно, от этого наше путешествие ускорится, хотя на

подготовку вагонетки и ушло некоторое время.

Чтобы усилить численный состав, я использую цикатрициев. Когда я принес тетрарху доказательство наличия незавершенной сети за Танторемом, он был недоволен. Недоволен, что ее существование изначально упустили из виду и что там может оказаться тайный форпост Несущих Слово. Я напомнил ему о слове, которое не успел полностью произнести Азул Гор, и показал незаконченное ответвление в Пенетралии.

И все же он сердито отклонил мой запрос на два полных отделения прорыва из легионеров для зачистки туннелей Пенетралии. Я не понял, на кого он злился – на меня, или на себя. Впрочем, он хотя бы удовлетворил мой последующий запрос на разведгруппу. Если у нас на пороге притаился анклав Несущих Слово, нельзя было отрицать тактическую необходимость подтвердить их наличие, численность и степень угрозы. По крайней мере, так я сформулировал свою просьбу. Никодем в большей степени рассматривал это как незаконченную работу и недостигнутую цель.

Я взял на себя ответственность и молчаливо выслушал выговор.

Мне придали двух боевых братьев. Я просил Молосса и сержанта Аркадаса, но получил братьев Десенора и Форнакса, а также группу солдат Армии и Первопроходцев на мое усмотрение. Я безропотно согласился.

Сержант Гродин и его люди только-только добрались до Аркрополя с трофеями из Танторема, когда я приказал сержанту и отделению его цикатрициев пополнить запасы и снова направиться вместе со мной к точке входа. Можно справедливо утверждать, что теперь недоволен был не только Таврон Никодем.

Додона разрешает садиться в поезд. Цикатриции стоят, сжимая длинные стволы своих лазерных ружей. Додона работает массивными рычагами вагонетки, а Десенор, Форнакс и я возвышаемся над ними в грузовом отсеке, держа наготове клинки и боевые щиты. У нас с Форнаксом пистолеты, а на плече брата Десенора висит его почти пустой болтер.

Трофеев из Танторема было мало, и их уже распределили между защитниками Магнези, так что у нас было совсем мало болтов. Я по обыкновению встряхиваю в перчатке свой единственный оставшийся заряд. Подношу на небольшое расстояние к поясу с магнитным фиксатором, а затем отпускаю. Заряд летит от пальцев к поясу и со щелчком занимает привычное место.

Вагонетка издает хриплый гул и везет нас от станции вниз по берегу. Подземная вода расступается, бурля по бокам, пока поезд продвигается дальше, а затем исчезает в чернильно-черных глубинах озера.

По мере того, как вагон расталкивает массу воды, гул перерастает в визг. Лампы кабины высвечивают по ту сторону быстро движущихся окон залитые туннели Пенетралии – грубые, скалистые и незавершенные. Додона нагружает электрополярный двигатель. Проведенная Первопроходцем плазменная сварка надежна, но не может полностью сдержать воду. Закрытые люки на потолке не оправдывают ожиданий, из них почти постоянно льет, кроме того, вода сочится в пробоины от лазерных зарядов, незамеченные Додоной. Дверные уплотнения пузыряются и пенятся жидким мраком. Вода быстро образует в грузовом отделении лужу, а затем, к вящей тревоге цикатрициев, ползет вверх по их ботинкам.

Когда она доходит до фартуков и нагрудников, сержант Гродин приказывает поднять фузеи над прибывающим уровнем воды. Некоторые из его людей начинают паниковать.

- Сколько еще? - кричит сержант в кабину, стараясь, чтобы голос звучал не слишком встревожено.

- Недалеко, сержант, - отзывается Ионе Додона. - *Я так думаю*, - тихо добавляет она.

Грузовая вагонетка с грохотом движется в воде. Освещение кабины внезапно вспыхивает и гаснет. Теперь единственным источником света остаются прожекторы наших доспехов. Кто-то издает тревожный крик, когда закрытый люк подается, и вода с новой силой льется внутрь.

Кругом потоп и мрак. Вода поднимается выше моего пояса, и цикатриции начинают с плеском барахтаться, держась за стену отсека и пытаясь удерживать головы над поверхностью. Мы, как можем, помогаем им забираться по стене к грузовым контейнерам, но вскоре солдатам остается только удерживать головы в шлемах между потолком и пенящейся водой. Они кашляют и тонут во мраке.

- Ионе?.. - тороплю я, готовясь раскрыть мультилегкое.

Я опасаясь, что мы можем потерять цикатрициев, однако у Первопроходца есть собственные проблемы. Она постоянно погружается под воду, чтобы работать рычагами управления магнитного транспортера и смотреть через передний экран.

Она появляется на поверхности.

- Ни черта не видно, - отплевывается она.

- Ионе! - кричу я в ответ. Она вновь скользит под воду.

Спустя мгновение нас всех швыряет вперед от внезапной остановки. Магнитные замки на подошвах удерживают меня и братьев на месте, но Гродин и многие из его отделения разжимают руки во вздымающейся воде. Та бьет их о потолок, а затем вновь тащит вниз.

Вагонетка остановилась. Двигатель булькает и искрит.

Неожиданно раздается рвущий уши треск, и левый блок окон вылетает. Неотвратимый поток воды вытаскивает наружу людей и плавающее снаряжение. Отсек быстро освобождается, но я открываю выходной люк, озаряя призрачным светом прожекторов доспеха тьму снаружи.

Сухую тьму.

Обернувшись, я вижу, что Ионе Додона обмякла в кабине, словно утонувшая трюмная крыса. Ее рука все еще лежит на тормозе, а грудь вздымается и опадает глубокими, неровными вздохами. Через передний экран мне видны бамперы другой машины - машины, с которой чуть не столкнулась наша вагонетка.

Я выхожу из грузового транспорта вместе с Форнаксом и Десенором и приказываю братьям удерживать периметр, пока цикатриции кое-как перегруппировываются. Наша вагонетка так и стоит на мелководье. Ей не продвинуться вверх по склону из-за более длинного отключенного состава, который тянется до самого тупика. На мгновение я замираю.

Я смотрю на воду, прожекторы доспеха озаряют поверхность темного озера. В зеркальной зыби отражается великолепие кобальтово-синей брони. Я гадаю, не отражались ли здесь недавно мои заклятые враги. Загнал ли я наконец в угол Унгола Шакса и его братьев из Несущих Слово?

Я иду вдоль первого состава, держа наготове меч со щитом, и становится ясно, что поезд частично затоплен, из чего следует, что его использовали сравнительно недавно. Точно после того, как подземные

воды залили Пенетралию.

- Есть что-нибудь? – рычу я в вокс.

- Ничего... Да, ничего, – отзываются братья.

Цикатриции включают подствольные фонари своих фузей, и сержант Гродин, кашляя, приказывает провести проверку оружия. Пуская в глубины озера жгучие лучи, мы выясняем, что больше половины вооружения отделения временно вышло из строя из-за попадания воды. В абсолютной тьме Пенетралии, где нет дуговых ламп и отражательных шахт, это далеко не идеально.

- Додона, – окликаю я. Промокший Первопроходец выходит из вагонетки, освещая нашлемными фонарями инфопланшет, который она изучает.

- Из этого станционного помещения есть три выхода, – сообщает она мне. – Все они вскоре переходят в природные ответвления системы пещер, повсюду встречаются залы и гроты.

- И ждут Несущие Слово, – бормочу я. Возвращаются Гродин и его отделение, и я оборачиваюсь к ним.

- Сержант, тут три входа, каждый из нас берет по одному. Брат Десенор, следуй за Гродином, я беру Додону. Сержант, распределите своих людей между мной и братьями Форнаксом и Десенором. Мы разделимся, чтобы охватить большую территорию. Я хочу, чтобы каждый изгиб, поворот, пустоту и нору проверили на наличие врага. Мы ищем Унгола Шакса и его темное братство. Поддерживать связь и сообщать по воксу о каждом контакте. Если столкнетесь с численным перевесом или попадете в засаду, закрепитесь и группами отходите к помещению станции. Там мы перегруппируемся. Ясно?

Ответом становятся кивки шлемов и мрачное «Да, мой повелитель» от Гродина и цикатрициев.

- Поддерживать связь, – распоряжаюсь я и веду Ионе Додону с тремя солдатами вглубь Пенетралии.

Додона не ошиблась: Пенетралия представляет собой лабиринт. Туннели закручиваются в спирали, перед прожекторами возникают зубчатые откосы, а потолок постоянно опускается до верхушек шлемов. Проходы извиваются и раздваиваются, повсюду дыры гротов и нор. Непросматриваемые повороты выводят к вызывающим головокружение сводам, а небольшие пещеры внезапно образуют тупики. Тьма почти ощутима физически, вязкий мрак пожирает свет наших ламп.

Прожекторы моего доспеха указывают путь, свет нащупывает себе дорогу среди углов и острых камней. Впереди пляшет луч со шлема Додоны, которая ведет меня по разветвляющейся сети туннелей. Позади трое цикатрициев – все из числа бывших резервистов Тарксиса – осматривают дыры и пустоты при помощи подствольных фонарей. Мой щит скребет об углы, а клинок остается сзади, готовый рвануться вперед и снести голову Несущего Слово с бронированных плеч или же расцезать тело неудачливого культиста.

- Десенор, что у тебя? – спрашиваю я по воксу.

- Это место мертво, – передает тот в ответ. – Если Унгол Шакс и был здесь, то думаю, что мы его упустили.

- Форнакс?

- Несущие Слово *были* здесь, - уверенно сообщает боевой брат. - Мы добрались до большого зала в центре туннелей. Тут статуи и рисунки.

Я киваю собственным мыслям. Если судить по аркологии Тантором, наши сородичи-предатели и их последователи-культисты занимаются бессмысленным идолопоклонством, создавая храмы со статуями и молясь у каменных стоп своих иномировых покровителей. Я отмечаю позицию Форнакса на оптическом слое.

- Удерживайте позицию, - говорю я. - Мы идем к вам. Брат Десенор, встречаемся в этом зале.

- Принято, - отзывается Десенор. - Но я потерял в этих проклятых туннелях одного из моих людей. Сержант Гродин его ищет. Скоро будем там.

Пробравшись сквозь плотный мрак и клубок пересекающихся коридоров, мы выходим на открытое пространство большого помещения. Я вижу в смоляной тьме впереди лучи прожекторов, которые рассекают мглу, словно клинки. Форнакс и его люди ждут возле центра пещеры, но свет их фонарей моргает и прерывается.

Подойдя ближе, я понимаю причину этого.

Форнакс был прав. Здесь статуи, но нет ничего похожего на то, что мне доводилось видеть в темных часовнях и молельных ямах аркологий, занятых культистами. Эти изваяния различаются по размеру, но имеют человеческие очертания. Все они созданы из материала, похожего на обсидиан - угловатого и кристаллического. Он поглощает свет наших фонарей, словно черная дыра. В полуночно-черной стеклянистой поверхности не видны даже наши отражения. Просто не хватает света. Вещество пожирает все.

- Вулканическое стекло? - нахмурившись, произносит Первопроходец Додона. - Точно не на Калте. Не в таких количествах...

Я вижу, как в свете ламп темная субстанция начинает испаряться и клубиться. Она растворяется и уплывает прочь, словно разреженный черный пар. Действительно странно.

- Это не обсидиан, - говорю я. - Ничего не трогайте. Никому ни к чему не прикасаться.

Кажется, будто статуи созданы из затвердевшего мрака.

Изваяния повсюду, они мешают лучам прожекторов Форнакса. Ультрадесантник и солдат 14-го Восферского что-то рассматривают в центре скального зала. Вокруг них собрано множество статуй - толпа кристаллических фигур, каждая из которых обращена лицом к центру. Это определенно тревожит.

- Что у нас? - нетерпеливо спрашиваю я боевого брата.

Форнакс стоит на коленях. При моем приближении он поднимается.

- Какой-то нечестивый храм, - подтверждает он, - похоже, использовался для церемоний и единения с чудовищами из эмпиреев.

Он указывает на пол у меня под ногами. Грубая поверхность выровнена и отполирована, на скале вырезан узор. Ужасные глифы и символы, от которых у меня болят глаза.

- Гонорарий, культистов-добровольцев привели сюда на жертвоприношение и церемонию для

заклучения союза с каким-то злом или чудовищем.

Я слышу слова Форнакса, но редко понимаю, что библиарий имеет в виду. Я воин-практик до мозга костей. Меня редко интересует «материальность или имматериальность» природы вселенной. Я верю в одно: в свой Легион. Ультрадесантники раз за разом доказывали, что в силах убить все, с чем сталкиваются. Все прочие измышления – чистая теория.

– Так это были *добровольцы*? – спрашивает Ионе Додона.

Форнакс делает шаг в сторону, демонстрируя ужасную грудку опаленных тел в центре узора. Поверх почерневших грудных клеток распростерт адепт Красного Муниона – женщина, тонкие пальцы которой до сих пор сжимают рукоять вонзенного в сердце жертвенного кинжала. Губы Додоны кривятся от омерзения.

Мрачная картина и интерес моего брата к ней быстро меня утомляют.

– Тут что-нибудь указывает на Унгола Шакса или его местонахождение? – спрашиваю я.

– Унгол Шакс *здесь*, – сообщает Форнакс. – Думаю, это он позади тебя.

Мое лицо скрыто шлемом, и Форнакс не видит, как оно хмурится от жутковатого известия. Я разворачиваюсь и обнаруживаю у себя за спиной еще одну статую, такую же угловатую и кристаллическую. Рост и мощь идола под стать моим, руки воздеты в жесте триумфа или удовлетворения. В одной из них скипетр. Нет, крозиус с навершием в виде решетки или ворот. Возвышенные Врата.

В свете прожекторов моего доспеха мерзость начинает тлеть, сочась на слабом сквозняке невесомой тьмой.

Я оглядываюсь на остальные изваяния. Картина проясняется.

Несмотря на угловатость и беспросветность фигур, у многих есть общие черты: шлемы, ранцы и широкие очертания боевой брони Легиона. Похоже, что идолы меньшего размера между ними – полуночно-черные воплощения культистов, застигнутых в миг ликования и безумия. Я обнаруживаю, что мой шлем непроизвольно покачивается из стороны в сторону. *Во имя Пятисот Миров, что же тут произошло?*

Из задней части храма раздаются крики. Сначала я решил, что это приветствие – Десенор и его бойцы вернулись. Затем я понимаю, что это кричат мои люди, и чувствую, как собравшихся окутывает недостойный страх.

– Мы не можем найти Олександра, – сообщает Ионе Додона.

Имена для меня ничего не значат. Впрочем, значат числа, а наша численность уменьшается. Я смотрю на Форнакса и оставшегося с ним цикатриция.

– Где остальные твои люди? – спрашиваю я.

– Проверяют туннели, тянущиеся от дальнего края зала, – сообщает бывший библиарий. На его лице озабоченность. – Солдат?

Цикатриций прижимает два пальца к боковой части шлема. У него нет связи с отсутствующими солдатами. Он качает головой.

- Всем единицам, доложить, - передаю я по воксу.

Члены отделения, находящиеся в зале-храме, быстро откликаются на мой запрос. Вместо остальных - навязчивые помехи.

- Десенор, доложить, - повторяю я.

Ничего. Я подхожу к краю строя статуй.

- Враги играют во тьме, - шиплю я сквозь сжатые зубы. Перчатки поскрипывают, стискивая рукоять меча и боевой щит. - Построиться, Форнакс, ты впереди.

Ультрадесантник задерживает на мне взгляд. Это в стиле Форнакса. Помимо жутковатого прежнего призвания, у него есть неприятное обыкновение ставить под сомнение приказы, *не имея на то реальных причин*. Он позволяет тишине задавать вопросы. В неглубокой почве делаемых им пауз и перерывов укореняются зерна сомнения. А затем, словно трава между мраморных плит, опасения быстро прорастают у остальных.

Но еще до того как мне приходится повторить, Форнакс убирает пистолет в кобуру и берет наизготовку меч со щитом. Он снова надевает шлем и шагает прочь от леса статуй. Оптические карты направляют его к одному из многочисленных каменистых выходов из зала, которые ведут к координатам последней вокс-передачи брата Десенора. Я посылаю Додону и пехотинцев следом.

- Имя? - спрашиваю я последнего оставшегося цикатриция Форнакса.

- Эванз, мой господин, - отзывается тот. - Восферский 14-й.

Я слышу в его голосе страх. Самообладание солдата продержится лишь какое-то время, словно крепость на трясущемся фундаменте. Мне доводилось видеть, как простые воины Империи не выдерживали ужасающих обстоятельств разведывательной войны и крестовых походов. Встречаясь с неведомыми врагами галактики - технологическими мерзостями, сумасшедшими изоляционистами или ужасами ксеносов - я знал солдат, которые теряли контроль над телом и разумом.

- Эванз из Восферского 14-го, - повторяю я. Мой голос надвигается на него, словно мощная, непоколебимая стена. Я пытаюсь передать солдату толику собственного мужества и бесстрашия. - Я хочу, чтобы ты прикрывал нам тыл. Если увидишь, как сзади что-то подкрадывается, я хочу знать об этом. Ясно, солдат?

Цикатриций демонстративно взводит свою фузею и плотно прижимает оружие к плечу, прикрытому противоосколочной броней.

- Клянусь честью, лорд Пелион.

Мы преодолеваем темные переплетения Пенетралии, и я чувствую, как неровные проходы сжимаются вокруг. Мысленно я представляю миллионы тонн камня над моим шлемом.

Сами туннели лабиринта внезапно кажутся угрожающими, они извиваются, поворачивают, поднимаются и опускаются. Похоже, что несколько раз мы делаем круг, и коридоры представляются мне клубком корчащихся змей. За каждым углом тупики и пустоты, которые вынуждают постоянно проводить вылазки в тесные проходы и тенистые боковые туннели.

Несколько раз мои сердца начинали биться быстрее при известии о предположительном контакте с

врагом. Я жажду противника. Возможно, мы обнаружили труп-призрак Унгола Шакса... а может, и нет. Если его Несущие Слово еще бродят по коридорам Пенетралии, они мои. Я поклялся, что мой клинок прикончит их. Дело не завершено. Задача не выполнена.

Однако раз за разом враги оказываются тенями и силуэтами, созданными нашим собственным светом – сама скала играет с нами. Цикатриции просят прощения, но сложно не заметить, как глубина лишает их самообладания. Рубцовая ткань на их лицах туго натянута от напряжения, губы не улыбаются, глаза смотрят сквозь щели шлемов в ожидании чего-то ужасного.

– Лорд Пелион! – взрывается криком Эванз. Это предупреждение было готово сорваться с опаленных солнцем губ солдата с момента входа в систему туннелей.

Я оборачиваюсь, ожидая очередной ложной тревоги, но, как и цикатриций, замечаю движущуюся тень. *Камни не двигаются.*

Прежде чем я успеваю остановить Эванза, тот выпускает из своей фузеи несколько лазерных зарядов. Выстрелы озаряют проход колеблющимся свечением, и на шероховатых стенах появляются новые мимолетные тени.

Нечто отступает.

Ободренный точностью прицеливания солдат, разом забывший про страх, одержимый подпитываемой напряжением яростью, с ревом несется в направлении выстрелов.

– *Стоять!* – кричу я, но Эванз уже скрывается во мраке. – Держать позиции! – рывкаю я оставшимся членам группы, а затем направляюсь следом за ним.

Вскоре я его догоняю, уверенно шагая бронированными ногами по неровному проходу. Я обнаруживаю цикатриция на несимметричном перекрестке, которого не помню. На Эванзе нет шлема. Он молод, но его плоть покрыта рубцами от солнца и морщинами от возраста и переживаний. Солдат безвольно держит ружье сбоку от себя, грудь под нагрудником из пластоволокна вздымается и опадает. Он смотрит пустыми глазами, но во всех коридорах лишь жутковатый мрак.

Эванз застывает, когда я отодвигаю его в сторону. Я изучаю каменистые изгибы туннелей, переключая оптические спектры. Ничего.

– Возвращайся к группе, – приказываю я. Эванз стоит на месте, парализованный пустой тьмой. – Сейчас же! – рычу я.

Подавленный солдат разворачивается и плетется к товарищам из Цикатрикса. Я напоследок обвожу перекресток долгим взглядом.

– Я здесь, – провозглашаю я в темноту, и голос разносится дальше, чем я ожидал. – Когда устанете от своей трусости и игр в тенях, я здесь.

Вернувшись к группе, я заменяю в арьергарде Эванза на одного из резервистов Тарксиса и приказываю брату Форнаксу двигаться дальше.

Вскоре мы обнаруживаем сержанта Гродина. Цикатриций похож на кристаллический скальный выступ – он прислонился спиной к стене коридора, шлем обращен в одну сторону туннеля, а фузея нацелена в

другую. Мне мало известно о работе художников и летописцев, но сержант кажется мне скульптурным образцом паники и замешательства.

Кроме того, мы находим солдата, которого он искал. Боец 55-го Восферского прячется в маленьком гроте. Пехотинец прижимает шлем к нагруднику и испуганно выглядывает в туннель из-за угла скалы. На покрытом шрамами лице до сих пор выражение ужаса при виде кошмара, который, должно быть, там увидел. Он застыл в виде затвердевшей тени, которая дымится и испаряется в свете наших фонарей.

- Пелион, - зовет Форнакс.

Бывший библиарий обнаружил брата Десенора. Тот мог бы сойти за статую с любого из приведенных к согласию миров или же монумент, изображающий благородные и героические деяния XIII Легиона, какие встречаются по всем Пятистам Мирам. Десенор заслужил подобное уже одним своим смертоносным служением на полях Комеша. Болтер прижат к наплечнику, оптика шлема находится вровень со средним прицелом оружия, и кажется, что Ультрадесантник все еще готов открыть огонь. Я осматриваю его перчатку. Палец полностью согнут. Спуск нажат. Десенор окаменел в тот миг, когда оружие могло его спасти.

Я чувствую, как с губ срывается неуклюжее и незамысловатое проклятие. Голос становится напряженным.

- Форнакс, библиариуму ведь явно есть что сказать о таких противоестественных вещах?

- Брат, официально библиариум теперь мало что может сказать по какому бы то ни было поводу, - бесстрастно отзывает Форнакс.

- А неофициально?

Форнакс колеблется.

- Бывшие Вестники явно развили свой интерес к колдовству, - говорит он. - Они вызывают с нематериального уровня иномировые силы, которые усиливают их и без того значительные способности.

- Дары вроде твоего, - замечаю я.

- Нет, брат, - осторожно продолжает Форнакс. - Магия и суеверные девиации. Помощь в виде оскверненных артефактов и сделок с иным миром.

- Могли ли подобные извращения повлечь за собой эти темные деяния?

- Да, брат.

- И какое оружие мы можем противопоставить такой аномалии? - интересуюсь я.

- Как и всегда, мои клинок и болтер в твоём распоряжении.

Я смотрю на него, и он отвечает тем же. Ионе Додона глядит на меня с некоторым беспокойством.

- Я пойду впереди, - говорю я ему, проталкиваясь мимо. В тесноте туннеля наши наплечники скребут друг о друга, и я уверен, что брат чувствует мое раздражение. Для этого не нужно принадлежать к ведьмовскому роду.

Выставив перед собой меч и щит, ядвигаюсь от одного скального угла к другому, осматриваясь при

помощи прожектора и оптики. Свет уходит в туннели и каменистые закрученные проходы, а я ощущаю, как мои мысли отравляет сомнение. Желание вступить в бой с врагом слышно по давящим гальку экономным шагам, плавной аккуратности отработанных перемещений и выбора позиции. По поскрипыванию перчатки, сжимающей оружие. Мышцы и гидравлика доспеха готовы нанести удар.

Я желаю смерти врагу. Эта потребность требует идеального исполнения. Никаких ошибок. Моя безмолвная досада не даст противнику преимущества.

И в то же время я не могу позволять себе ложь. Находка оказалась тревожащей. Если боевой брат с таким мастерством не смог ничего противопоставить ужасающим силам наших врагов из Несущих Слово, то мой клинок мало на что сгодится. Я быстро пустил первую кровь на щеке Девкалия с Прандиума в поединке чести. Обжигающий взмах моего меча снес шлем и голову Драэгала, Багряного Кардинала. Кошмарные твари со щупальцами с Двенадцать-Сорок Семь утащили бы меня в свою общую пасть, если бы не рубящие и режущие удары моего клинка.

Однако мне кажется, что если эти чудовищные ублюдки в глубокой тьме Пенетралии забрали Десенора за миг, пока болтерный заряд еще не успел покинуть ствол, то скорости моего клинка может оказаться недостаточно.

Хуже всего перекрестки и развилки. В темном средоточии сходящихся коридоров я чувствую на себе взгляд нашего противника. Везде таятся туманные намеки на врага и скрытую погибель.

Я пробираюсь дальше. Нет особого смысла сообщать остальным, что мы уже безнадежно заблудились. Это неважно. Враг найдет нас. В этом я уверен.

Я слышу наполовину – нет, на четверть – придушенный крик, и что-то с лязгом падает на каменистый пол. Я разворачиваюсь и вижу, что Эванз неотрывно уставился в один из коридоров, который я только что миновал. Солдат тычет пальцем в неопишущем ужасе. С лица Эванза исчезает страх, на смену которому приходит омерзительная смесь ужаса и отвращения, а затем цикатриций моментально превращается из живого существа в кристаллическую тень. Сперва трясущийся палец, затем рука, броня и искаженное страхом лицо. Солдата охватывает какое-то колдовское окаменение.

Тень забирает Эванза, словно плотоядная тьма, и он обращается в кристаллизированный сумрак.

По коридору разносятся вопли паники и ужаса. Оставшиеся цикатриции пятятся к непоколебимой бронированной стене в лице брата Форнакса. Бывший библиарий наблюдает с холодным интересом.

Я не могу позволить нашим мучителям скрыться. Рванувшись вперед, я отшвыриваю вбок стеклянистую тьму, которая раньше была Эванзом. Подствольный фонарь упавшей фузеи продолжает светить в туннель... но там ничего нет.

Я уверенно продвигаюсь вперед. Чтобы остановить меня, нужно что-то большее, чем «ничего».

Я быстро вышагиваю по туннелю, плотно прижимая к телу меч и щит. Прожекторы доспеха устремлены вперед, освещая повороты и обманки проходов Пенетралии. Что бы ни убило Эванза, оно должно отходить так же быстро, поскольку на свету оказывается только тупик, хотя скоро выясняется, что это крутой поворот.

Со скрежетом протискиваясь в доспехе через узкую щель, я обнаруживаю, что смотрю в лицо Олександра. Первый пропавший из моего отряда теперь тоже в тени и безмолвно растворяется под лучами прожекторов. Его статуя впитывает свет, словно губка: шлем, кристаллический ствол лазерного

ружья, зажатого в одной руке, вторая рука поднята, прикрывает глаза от неожиданного кошмара, который солдат увидел во мраке входа в туннель.

Входа в туннель, где стою я.

Олександр стоит во главе толпы изваяний, и я понимаю, что снова нахожусь в нечестивом пещерном храме. Извивающиеся туннели Пенетралии каким-то образом вышли обратно.

- Форнакс! - окликаю я. - Враги ведут игру, которую я не в силах выиграть. Они заблудились и хотят, чтобы мы последовали за ними.

Форнакс входит в пещеру через сужение с теми же затруднениями, что и я, но Ионе Додона и цикатриции легко проскальзывают внутрь, не желая оставаться в одиночестве в коридоре.

- Несущие Слово избегают нас, - говорю я, озвучивая общие мысли.

- Несущие Слово мертвы, - отвечает Форнакс. Его прямолинейное высказывание не приносит успокоения, которое должно бы вызывать подобное умозаключение.

- Тогда кто это? - требовательно спрашиваю я. - Эти слабаки-культисты?

Форнакс обводит рукой в перчатке омерзительную панораму статуй.

- Они призвали во тьму глубин нечто, - упорно повторяет бывший библиарий. - Нечто, чем не смогли управлять. Нечто, уничтожившее их.

Не могу до конца поверить в это. Потерять столько людей так быстро. Никаких криков. Никаких воплей. Никаких следов врага. Десенор погиб, не выпустив ни единого болта...

- Какая-то... *тварь*, - отзываюсь я.

- Что это? - шепчет Ионе Додона.

- Что-то, убивающее одним своим видом, - отвечает Форнакс. - Противоестественное. Оно прячется в тени и ждет, когда мы станем выискивать его светом. Похоже, одна только его иномировая внешность так ужасна, что способна убить.

Тени наклоняются вперед, когда подствольный фонарь одного из цикатрициев внезапно исчезает.

Мы все разворачиваемся, вскидывая оружие, но после незримого зверя осталась лишь фигура, вырезанная во мраке.

Додона издает вопль.

- Назад! - реву я. - Оно рядом с нами!

Втолкнув сапера себе за спину, я высоко поднимаю щит. Додона снова вопит. Не могу ее осуждать. Она всего лишь человек.

- Владыка Император, - кричит один из солдат. - Это...

И цикатрициев больше нет, они окаменели, превратившись в кристаллизированную тьму. Любопытство погубило их.

Не подумав, я едва не оборачиваюсь, прежде чем одергиваю себя. Молниеносно хватаю Форнакса и Додону.

- Закройте глаза, оба!

Страх чужд моим сердцам. Я - Легионес Астартес, Ультрадесантник, однако в страхе перед темнотой есть нечто первобытное. Даже я в силах понять ужас перед неведомым. Я не отрываю взгляда от гравировок на ногах.

- Как нам его убить? - визжит Додона, крепко вцепившись в мою руку, держащую щит.

- Никак, - отвечает Форнакс. Мой брат будет это отрицать, но я чувствую, как он озирается своим легким колдовским взором, который во мраке касается моей души.

Моя тревога за них перерастает в тревогу за всех наших людей, влачащих существование в аркологии Магнези под знаменем 82-й роты. Что будет, если подобная мерзость найдет способ попасть внутрь?

Я не могу этого допустить. Необходимо предупредить Таврона Никодема.

- Брат Форнакс, - неожиданно для себя говорю я, - забирай Додону и возвращайся в терминальное помещение. Не задерживайся. Отправляйтесь назад в Магнези и сообщите тетрарху о том, с чем мы здесь столкнулись. Несущие Слово обрекли на смерть себя и нас. Он будет знать, что делать.

Я чувствую, как брат собирается возразить, но времени нет.

- Скорее, - тороплю я его.

Форнакс подхватывает Ионе Додону перчаткой под руку. Сапер крепко держится за мой наруч, но от испытываемого ужаса позволяет увести себя прочь.

- А вы? - кричит она.

- Отведи брата Форнакса обратно в Магнези, - приказываю я, резко вскидываю меч и рассекаю кристаллическое тело стоящей рядом статуи Несущего Слово. Та раскалывается, и пещеру-храм заполняет какофония. Эхо визга и треска падающего обсидиана разносится по туннелям и расщелинам Пенетралии.

- Я выманю это на себя, - говорю я, - и дам вам шанс спастись.

Додона начинает было что-то говорить, но мой клинок разбивает еще двух Несущих Слово.

- Идите!

Туннель поглощает их, словно громадная змея. Я стою в одиночестве в сфере скудного света. Окружающая меня чернота всеобъемлюща. Я чувствую ее намерение погасить само мое существование. Кто узнает о Пелионе? Пелионе Младшем, что, словно герои былых времен, сражался с древним злом во чреве обреченного мира, освобождая империю Ультрамара от тирании существ, которые не должны существовать?

Я разбиваю культиста боевым щитом. Меч рассекает другого надвое. Тот распадается ливнем осколков чистой тьмы, звук раскалывания кажется слишком резким для помещения.

Невероятно, но сквозь шум разрушения я слышу грохот в дальнем конце зала. Я разворачиваюсь,

выставив перед собой боевой щит и приготовив клинок для удара.

Какой-то невидимый зверь движется во мраке прямо на меня.

Я его выманил. Отвлекающий маневр сработал. И теперь я заплачу за свой успех.

Подготавливаю себя к кошмару, который вот-вот увижу. Какая-то ужасная тварь, невообразимо отвратительная на вид. Некая омерзительная сущность, которая живет лишь для того, чтобы прервать мое существование. Я ощущаю ее холодное извращенное одиночество, проклятую силу, которая обрекает на вечное одиночество и приканчивает даже тех, кому хватило глупости призвать ее на свет. Тварь неистово приближается с первобытной яростью. Цунами кристаллических осколков грозит захлестнуть меня.

В этот миг я осознаю, что думаю об Азуле Горе. Перед моими опущенными глазами на мгновение проносится его лицо, полное горечи и ненависти. Я размышляю об его утверждении, будто он в состоянии прикончить меня одним-единственным словом.

Действительно, это слово – «Пенетралия» – привело меня к гибели.

И тут меня посещает понимание.

Азул Гор пережил внимание зверя извне. После призыва чудовище обратило всех собравшихся очевидцев в овеществленную тьму. Возможно, Азула Гора не пригласили на ритуал. Быть может, у него были иные, более важные дела, или же он просто почувствовал приближение смерти.

Как бы то ни было, спасение из Пенетралии стоило ему глаз.

Извергнутый мраком зверь уже рядом со мной, он разносит статуи жертв на своем пути. Очевидно, что он намеревается прикончить меня.

Я подношу меч к шее. Остается только одно, и я провожу клинком по горлу. Отточенное молекулярное лезвие скользит по канавке между шлемом и замками доспеха. Рассекает силовые кабели и нейропроводку. Визор гаснет. Оптика шлема темнеет, передача данных от авточувств прервана.

Я ввергаю себя в искусственную слепоту. Неполноценность, которая может спасти мне жизнь. С шипением воцаряется пронизанная помехами чернота.

Удар зверя сбивает меня с ног, и я падаю спиной вперед, расколов скульптурную группу. Атака твари напоминает какое-то тягловое животное, вроде охваченного паникой быка-грокса. По атаке сложно оценить размеры чудовища, но оно бьет, словно могучее четвероногое или постоянно сгорбленное существо, которое бросается вперед на двух более сильных лапах.

Никаких рогов. Никаких когтей. Никаких челюстей с кривыми зубами.

Возможно, нет вообще никаких челюстей. Просто иномировая громада, полная ярости и древней мерзости.

Мир в бурном мраке переворачивается. Я снова поднимаюсь на ноги, держа в руках меч и боевой щит. Выключаю прожекторы доспеха, погружая все помещение в глубокую черноту. Сомневаюсь, что это обеспокоит демоническую тварь. Я призываю на помощь десятилетия тренировок и сверхчеловеческие чувства. Это непросто – будучи космодесантником, я полагаюсь на генетически и технически усиленное зрение, чтобы убивать и избегать гибели.

Вместо этого я подстраиваюсь под движения зверя. Подача данных и питание шлема прерваны, и я не в состоянии усилить свой слух. Впрочем, мои уши чутки даже в глухой оболочке шлема. Пещера теперь устлана ковром стеклянистых осколков тьмы, и я слышу хруст шагов чудовища.

Я погружаюсь в мир звуков. Отслеживаю скрип каждого осколка, шуршание раздавленной черноты под ногами, превращение кристаллических фрагментов в клубы темной пыли.

Существо кружит вокруг меня. Оно в замешательстве. Я не поддаюсь его проклятой силе.

Возможно, я первый, кому это удалось. Мне приятно его волнение. Я концентрируюсь. Собираюсь.

Хруст. Еще больше кусков дробится на осколки. Сейчас оно позади меня. *Позади меня...* По спине пробегает холодок, но я подавляю его решимостью. Подобным опасениям не место в разуме Легионес Астартес.

Тварь приближается. Я чувствую за спиной ее кошмарное тело. Представляю ее очертания и атакую.

Я разворачиваюсь, давя сапогами теневой песок. Бью монстра щитом, затем наношу удар обратным движением, и мой короткий клинок устремляется вперед. Меч рассекает демоническую плоть, нанося глубокий порез.

Ничего не слышно. Никаких криков. Даже хныканья от боли.

Возможно, у существа даже нет рта или иного органа для подобного? Вместо этого в своем сознании я ощущаю его боль.

Разворачиваюсь на пятке, клинок вновь вгрызается сбоку. Слышен хруст, сопровождающий болезненный рывок. Ублюдочной твари это явно не нравится.

Оно ходит кругами, но держит дистанцию. Я поворачиваюсь следом, подняв меч и щит.

– Давай! – реву я зверю. – Давай, *адское отродье!* Прими свою смерть!

Невероятно, но оно стало меня опасаться. Не думаю, что способен уничтожить его одним лишь своим скромным коротким мечом, однако оно явно не хочет еще раз попробовать клинок на вкус.

А затем чудовище делает в точности то, чего я не хочу.

Хрустящие шаги удаляются – тварь уходит. Она устала забавляться со слепой игрушкой, которая постоянно причиняет боль, в то время как по туннелям Пенетралии убегает другая добыча. Добыча, которую ужасающая внешность чудовища может испугать до смерти.

Я широко размахиваю мечом и щитом, разнося все новые статуи на куски и надеясь приманить монстра обратно. Безуспешно.

Убрав клинок в ножны,ставляю перед собой руку в перчатке и нащупываю каменистую опору стены зала-храма. Нужно отыскать обратный путь к станции. Я не могу рисковать и снимать шлем. Это может оказаться уловкой, и тварь только и ждет подобной возможности.

Понятия не имею, на что она способна. Она не соответствует ни одной теории из тех, что я в состоянии вспомнить.

И вот я в одиночестве, спотыкаясь, бреду обратно по Пенетралии – Пелион Младший, затерянный в

лабиринте, заблудившийся во мраке снаружи боевого доспеха и заключенный во тьме внутри него. Более глубокой тьме, если таковая бывает.

Отталкиваясь от одной стены туннеля и скребя о другую выставленным щитом, я пытаюсь восстановить маршрут в закрученном лабиринте пещер и коридоров. Кажется, на это уходит целая вечность. Я знаю, что зверь может следить за моими неловкими передвижениями на каждом шагу, и также понимаю, что чудовище уже могло добраться до Форнакса с Додоной. *Добраться прежде, чем они успели запустить двигатель магнитной вагонетки и спастись под водой.*

Я бы предостерег их, но вокс-связь перерезана. Я тороплюсь, однако спешка мешает моим намерениям. Оступаю. Падаю. Встаю. Нащупываю дорогу дальше.

Я осознаю, что добрался до помещения станции, когда слышу воду – плеск озера о каменистый берег. В слепоте звук стал моим главным проводником. Я останавливаюсь и слушаю.

Слышно движение. *Что-то* шагает по мокрым камням линии берега. Кроме того, я слышу дыхание. Неглубокое, испуганное дыхание. Космодесантники не издают таких звуков.

– Додона! – зову я. Без решетки вокса я вынужден кричать сквозь керамитовую оболочку, и после столь долгого времени, проведенного в приглушенной темноте, уши болят от звука голоса.

– *Пелион?* – задышавшись, с облегчением отзывается она.

Это вопрос. Она меня не видит. Должно быть, в зале темно. Я отвечаю утвердительно. Случайное или преднамеренное отсутствие света спасло ее.

Она шевелится, хотя и слабо. Раздается бульканье и плеск воды. Сапер стоит на коленях на мелководье, пытается спрятаться прямо на виду.

Я слышу, как шаги зверя убыстряются. Он знает, где она. Хочет, чтобы она его увидела.

– Пелион, – шепчет во мраке Додона. Ее голос дрожит. Должно быть, она замерзла в воде. Замерзла и не в себе от человеческого, смертного страха. – Оно здесь...

– Знаю, – откликаюсь я. – Брат Форнакс?

– *Его больше нет.*

Тварь ступает в воду, направляясь к Додоне по мелководью на своих нечеловеческих лапах.

– Ионе, – произношу я, нетвердо шагая вдоль стены станции. Я тоже пробираюсь к подземному озеру. – Ионе, я хочу, чтобы ты сохраняла абсолютную неподвижность. Понимаешь?

– *Мне так страшно,* – отзывается она с произвольной искренностью.

– Знаю, – пытаюсь ее ободрить я, а затем лгу. – Мне тоже.

И вот во мраке пещеры и темноте шлема я прихожу к заключению. Недостаточно просто спастись. Направиться за подкреплением. Сбежать и сообщить остальным, что им тоже нужно бежать. Я – Ультрадесантник. Прославленный чемпион. Мой долг прикончить зверя независимо от того, иномировое это чудовище или нет.

Как бы то ни было, оно находится между мной и единственным выходом. Тварь должна умереть.

Будучи космодесантниками, мы обучены и натренированы извлекать максимальное преимущество из окружающей обстановки. Я размышляю о магнитной вагонетке и повреждениях, которые она может нанести монстру. О миллионах тонн камня, нависающих над нами, и о том, как обрушить их на чудовище, чтобы выдавить из него не-жизнь.

Мои планы губит темнота. Демон не окажет мне услугу, стоя перед вагонеткой, а если где-то в зале станции и есть подрывные заряды, я не смогу их найти. Я выбрасываю безнадежные стратегии из головы.

Я думаю о тьме. Думаю о свете.

Свет...

- Ионе, мне нужно, чтобы ты сделала для меня одну вещь, - кричу я.

- Да?

- По моей команде закрой глаза и ныряй на дно.

- Я не умею плавать! - протестует она. На смену одному страху пришел другой.

- Тебе не надо плыть. Просто оставайся внизу, сколько возможно. Сможешь это сделать?

- Я не умею плавать, - повторяет она. - Остаться под водой - не проблема.

Я слушаю чудовище - тварь из омерзительной тьмы, которую Унгол Шакс неосмотрительно выпустил в этот мир. Оно хищно шагает по мелководью, приближаясь к испуганному Первопроходцу. Я убираю меч в ножны. Прислоняю щит к стене.

Я готов.

- Давай! - кричу я. Слышно, как Додона ныряет вниз. Она погружается неаккуратно и неуверенно. Раздается плеск, а затем тишина. Она под водой.

Зверь тоже издает плеск. Он выискивает добычу, вглядываясь в темные воды.

Я вновь включаю прожекторы доспеха.

Движение резко прекращается.

Все замирает. Мучительно долгий миг я выжидаю, прислушиваясь к слабому плеску воды. Собираюсь снять шлем, но осторожность сдерживает мою руку.

Я жду. Жду подтверждения того, что мне уже и так известно. Легионес Астартес не благословлены выдающимся воображением. Тактической смекалкой - да, возможно. Креативностью при создании стратегической обороны. Мимолетным вдохновением, которое направляет нашу руку в неразберихе боя. Мы оставляем фантазию и изящество творческого воплощения хрупким рукам смертных. Я помню, как восхищался картинами Присцины Ксантой, летописца и художника Двенадцатой экспедиции. Я не делился этими переживаниями с самой Ксантой или же с вышестоящими, однако, созерцая ее картины, образы и интерпретации, я опасался затеряться в них.

Ее прекрасные изображения наших первых достижений, кровавые и яркие, обладали невероятной жизнью и внутренним содержанием. Она рассказывала нашу историю в своих портретах и панорамах.

Когда годы начали брать над ней верх, и ее отзывали на Терру, я ощутил, что экспедиция утратила толику своего памятного величия. Наши достижения никогда не казались столь благородными, как тогда, когда на них смотрели невероятные глаза Присцины Ксантои. И уж точно не выглядели так впоследствии.

Когда я наконец открываю глаза в полумраке зала станции, то гадаю, как бы летописец изобразила чудовище, которое стоит передо мной на мелководье. Наделила ли бы она его глазами, ртом, или хотя бы лицом? Возможно, ее кисточки из шерсти гириноксов смогли бы охватить абсолютную, неземную кошмарность существа. Его чужеродную суть и то, как сама реальность отторгает нематериальное тело. Возможно, она смогла бы должным, опаляющим разум образом оценить хтоническую гротескность и уродство.

Я не в силах вообразить такой кошмар. К сожалению, мне нет нужды воображать.

Ионе Додона вырывается из воды, вдыхая холодный воздух разрывающимися легкими. Она тратит свой первый вдох на самый испуганный, сотрясающий душу вопль, который мне доводилось слышать за мою долгую жизнь, заполненную войнами.

Крик – это хорошо. Крик означает, что она по крайней мере еще жива.

Прожекторы моего доспеха озаряют зал станции блеклым светом, которого оказалось достаточно, чтобы демоническое чудовище увидело в непо потревоженной поверхности озера собственное отражение.

Кроме того, этого света достаточно, чтобы я увидел, как Ионе Додона, оступаясь, пятится по воде прочь от статуи зверя, созданной из тени.

Она все еще кричит.

Я приближаюсь к неопишимо ужасной кристаллической твари – это невообразимый кошмар. Я борюсь с произвольным желанием отвести взгляд и заставляю себя смотреть на зверя. От этого зрелища у меня жжет в глазах. Я шатаюсь. Чувствую, как мой разум содрогается. Я проваливаюсь в стеклянные слои безумия. Обратившись к своей выучке, к сдерживаемой нуллификации предельных эмоций и к твердой основе психоиндоктринации, я продираюсь обратно к настоящему.

Я – Гилас Пелион. Пелион Младший. Гонорарий XIII Легиона, 82-я рота.

Все мое существо захлестывает ненависть к врагу. У него нет права существовать в этой вселенной.

Ионе Додона до сих пор кричит. Первопроходца больше нет. Даже облик окаменевшего демона оказался непосильным для ее хрупкого, слишком человеческого рассудка. Я размышляю о битве за Калт, о войне под поверхностью и более великой войне, которая еще предстоит. Стало быть, вот как выглядит наш грядущий враг. Истинные подданные и слуги Императора будут все чаще встречать зло в таком облике, которое было призвано извне нашими братьями, пребывающими во мраке.

Обычные люди не готовы к такому зрелищу. Безумие поразит их, как поразило Ионе Додону.

Та кричит и кричит, ее разум сломлен. Быть может, будет благом избавить ее от этой муки?

Я отцепляю последний оставшийся заряд, пристегнутый к поясу магнитным замком. Трясу болт в бронированной перчатке. Он гремит, словно игральная кость. Как и игральная кость, он ждет результата. Результата, который неизвестен в замкнутом пространстве перчатки, реализации, которую он может найти лишь в патроннике висящего на поясе пустого и враждебного пистолета. Я вынимаю

пистолет и загоняю болт внутрь.

Оружие поднимается, оказавшись на одном уровне с кристаллической мерзостью и кричащим Первопроходцем. Дуло перемещается между ними. Керамитовый кончик пальца нащупывает спуск, и мы оба – Пелион Младший и оружие – ищем свою реализацию.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Темнее_тьмы_/_A_Deeper_Darkness_\(рассказ\)&oldid=5083](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Темнее_тьмы_/_A_Deeper_Darkness_(рассказ)&oldid=5083)

Эта страница в последний раз была отредактирована 6 октября 2019 в 10:04.